

Более всего Ф. известен читателю как автор повести **«Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви»** (1939). Вышедшая из печати в суровые для страны годы сталинских репрессий и предвоенного напряжения международной обстановки, она захватывала глубиной лирико-романтического тона в изображении свежести и чистоты первой любви, сложного мира «переходного возраста» — расставания с детством и вступления в мятежный мир юности. Привлекала авторская убежденность в непреходящей ценности простых и естественных человеческих чувств — привязанности к родному дому, семье, природе, верности в любви и дружбе, межнациональному сообществу. В 1962 по мотивам повести был создан одноименный фильм.

В годы Великой Отечественной войны Ф. вступил в ряды народного ополчения, участвовал в боях, сотрудничал в армейской газ. Военная тема нашла отражение в рассказе-очерке **«Подвиг в майскую ночь»** (1944) и повести **«Дальнее плавание»** (1946). В первые послевоенные годы написана (совместно с П. Зайкиным) историко-биографическая повесть **«Жизнь и необыкновенные приключения капитана-лейтенанта Головина, путешественника и мореходца»** (1946–48), где тщательности архивных изысканий не противоречит такая устойчивая черта творческого почерка писателя, как использование элементов приключенческого жанра. К годам революции и Гражданской войны на Дальнем Востоке возвращает его роман **«Золотой василек»** (1963). Перу Ф. принадлежат многочисленные — в разных жанрах — произведения для детей: сб. **«Желанный цветок»** (1953), представляющий собой обработку китайских и тибетских сказок, книга об А. Гайдаре **«Любимый писатель детей»** (1964), книга очерков **«Испытание души»** (1966) и др. Произведения Ф. переведены на языки народов СССР и иностр. языки.

Цельное и объективное представление о творчестве Ф. затруднено в силу нескольких обстоятельств, обретших в литературоведении неправомерную устойчивость. Одно из распространенных заблуждений связано с представлением о Ф. как исключительно детском писателе, что сужает диапазон исследовательской мысли о нем, мешает понять особенности его творческой эволюции, неизбежно обрекает на односторонность и прямолинейность суждений о ней. Лирико-романтическая окрашенность повествования, свежесть чувств, чистота и непосредствен-

ность эмоционального тона его произведений много способствовали тому, чтобы они особенно полюбились детям, но, как известно, такого рода «худож. особенности» никогда не были противопоказаны и эстетическим вкусам взрослого читателя. Многие из того, что появилось в «Детгизе», в действительности имеет более широкую адресованность. Но дело не только в этом. Писателю принадлежат и такие вещи, которые ни в какой мере детям не предназначались, и уж во всяком случае начинался Ф. отнюдь не как детский писатель. Эта односторонность отношения к писателю проистекает во многом из-за разорванности его творческого пути, неполноты представлений о раннем периоде творчества, из-за несобранности произведений воедино. Даже на исходе его жизненного пути возникал недоуменный вопрос: один и тот же ли это Ф., который написал «Дикую собаку Динго...» и который сотрудничал в сибирской прессе. «Весной 1971 года,— рассказывает писатель,— когда я был в Переделькино, подошел ко мне сибирский писатель-историк тов. Шелагинов и спросил меня — не тот ли я Фраерман, который в 1929 году в Ново-Николаевске давал для газеты „Советская Сибирь“ отчеты о процессе барона Унгерна. Я ответил, что я и есть тот самый Фраерман, что я действительно работал секретарем „Советской Сибири“...» (см. очерк «Поход» в книге «Жизнь и творчество Р. Фраермана»).

Соч.: Избранное. М., 1958; Готовы ли вы к жизни? М., 1962; Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви: избранные повести. М., 1973.

Лит.: Блинкова М. Р. И. Фраерман: критико-биографический очерк. М., 1959; Николаев В. Н. Путник, шагающий рядом: Очерк творчества В. Фраермана. М., 1974; Жизнь и творчество Р. Фраермана / сост. Вл. Николаев и В. С. Фраерман. М., 1981; Якимова Л. «...Чувство края как целого». Сибирский мотив в творчестве Р. И. Фраермана // Литература и литераторы Сибири. Новосибирск, 1988.

Л. П. Якимова

ФУРМАНОВ Дмитрий Андреевич [26.10 (7.11).1891, с. Середя Нерехтского у. Костромской губ. (ныне г. Фурманов Ивановской обл.) — 15.3.1926, Москва] — прозаик.

Родился в крестьянской семье, вскоре приписавшейся к помещанскому сословию. Учился в Городском училище и Торговой школе Иваново-Вознесенска, затем в Кинешемском реальном училище (V–VII классы, 1909–12). Для поступления в ун-т сдал экстерном экзамен по латинскому яз. и в 1912

Д. А. Фурманов

был принят на юридический, затем переведен на историко-филол. ф-т Московского ун-та. Не завершив образования, в 1915 ушел добровольно служить братом милосердия на санитарных поездах Земского союза, побывал на Кавказе, в Сибири, на Западном и Юго-Западном фронтах. В окт. 1916 демобилизовался и поселился в Иваново-Вознесенске, где стал преподавателем рабочих курсов.

Лит. интересы пробудились у Ф. еще в школьную пору, когда он начинает писать стихи, но публикация в 1912 в местной газ. «Ивановский листок» стих. «**Памяти Д. Д. Ефремова**» (посвящено учителю литературы Кинешемского училища) долгое время оставалась единственной. Хотя стихотворчество юношеских лет было интенсивным (включая сюда и эпизодические стихотворные публикации лета–осени 1917 в ивановской газ. «Рабочий край»), Ф. поэтом не стал.

С 1910 Ф. начинает вести дневник, не расставаясь с ним ни при каких обстоятельствах до конца жизни. Дневники Ф. представляют собой выдающийся человеческий и исторический документ. Они лишены нарочитой «литературности» интимно-лирического, психологически-аналитического или картинно-описательного плана. Первоначально значительное место в них, наряду с зарисовками из повседневной жизни и самонаблюдениями, отводится текущим лит. впечатлениям и размышлениям по поводу прочитанного. Но очень скоро записи Ф. становятся своего рода личным журналом, куда регулярно за-

носятся суждения, оценки и факты, связанные с общественными умонастроениями и широкомасштабными историческими событиями. С 1914 отд. записи получают заглавия, а позже вообще весь дневниковый текст дробится на тематически автономные этюды. Ф. остро сознает как содержательную ценность своих дневников (документ эпохи), так и их лит.-прагматическую ценность (свод всего лично увиденного, пережитого, осмысленного и в то же время уже прошедшего первичную лит. обработку). Дневниковые записи станут использоваться писателем уже в его ранней газетной публицистике 1918–19.

До сих пор дневники Ф. опубликованы выборочно и преимущественно в той части, которая касается революционных событий 1917–18 в Иваново-Вознесенске, событий Гражданской войны, отраженных впоследствии в «**Чапаеве**» и «**Мятеже**», а также работы над этими произведениями. Ни как исторический источник, ни как лит. памятник они не исследовались.

Политическое самоопределение Ф. началось под влиянием революционных событий весны, лета и осени 1917 в Иваново-Вознесенске. «Пламенные настроения, при малой политической школе,— писал он в **„Автобиографии“** (1926),— толкнули быть сначала максималистом, дальше анархистом, и казалось, новый желанный мир можно было построить при помощи бомб, безвластия, добровольчества всех и во всем... А жизнь толкнула работать в Совете рабочих депутатов». Став заместителем председателя Совета, Ф. оказался вынужден выбирать между различными партийно-политическими лозунгами и программами в условиях каждодневной практической необходимости решать задачи жизнеобеспечения целого края и вникать в нужды самых разнообразных слоев населения, прежде всего рабочих коллективов. Именно тогда раскрылся его незаурядный талант организатора и пропагандиста, причем в редком сочетании со способностью не утрачивать (при всей жесткости собственной политической позиции) понимание реальной сложности социальных отношений и интересов людей. Знакомство с М. В. Фрунзе определило окончательный политический выбор Ф.— летом 1918 он вступает в РКП(б) и становится сподвижником Фрунзе. С нояб. 1918 он военнотрудовой Ярославского округа — «для поручений у Фрунзе»; с февр. 1919 — с отрядом иваново-вознесенских рабочих-коммунистов на Восточном фронте, куда Фрунзе назначен сначала командующим 4-й армией, затем Южной группой войск;

с 25 марта по 30 июля 1919 — комиссар 25-й стрелковой (Чапаевской) дивизии. С авг. 1919 по сент. 1920 Ф.— заместитель начальника Политуправления Туркестанского фронта, с конца 1919 — уполномоченный Реввоенсовета Туркестанского фронта по Семиречью, с 6 июня 1920 — в Верном (Алма-Ате), где обострившиеся после разгрома белоказачьих войск этнокультурные и социальные противоречия вызвали брожение в Семиреченской армии. Ф. оказывается центральной фигурой в событиях, связанных с политической нейтрализацией стихийного военного мятежа (12–19 июня 1920). С авг. 1920 Ф. на Кубани, где в качестве комиссара участвует в военной операции по разгрому врангелевского десанта (28 авг.— 5 сент.), за что награжден орденом Красного Знамени.

По завершении Гражданской войны Ф. в июне 1921 приезжает в Москву, работает в лит.-издательском отделе Политуправления Реввоенсовета, становится членом Высшего военно-редакционного совета; с нояб. 1921 заведует редакцией ж. «Военная наука и революция» и одновременно завершает филол. образование в Московском ун-те (окончил в 1924). С сент. 1923 работает в Госиздате — политредактором, затем редактором отдела совр. худож. лит.-ры.

Еще в 1918–19 Ф. sporadически публикует в армейских газ. очерки о некоторых военных событиях, но регулярной лит. деятельностью начинать заниматься только во время своего пребывания на Кубани (авг. 1920 — май 1921). Зарегистрировано более 70 публицистических статей и выступлений Ф. в екатеринодарских изданиях этого периода; он печатается и в центральной прессе (газ. «Известия», ж. «Политработник»). В 1920–21 Ф. создает пьесу «**За коммунизм**» (впервые опублик. 1965); в 1921 — повесть «**Записки обывателя**» (опубл. посмертно: Молодая гвардия. 1926. № 10); в 1922 работает над пьесой «**Вера**» (неопубл.). Вступление Ф. в лит.-ру связано с созданием и публикацией повести «**Красный десант**» (1922) — первого опыта Ф. в том лит. роде, который в дальнейшем определит его место и значение как писателя.

Летом 1922 Ф. приступает к работе над замыслом большого документально-худож. повествования о Чапаеве. Писатель тщательно собирал материалы о личности Чапаева и истории его дивизии, колебался в выборе повествовательной манеры, долго размышлял над жанром будущего произведения, так и не найдя для себя какого-либо удовлетворительного его обозначения (в дневниковой

записи от 29 окт. 1922 зафиксированы следующие варианты: «1) Повесть... 2) Воспоминания. 3) Историческая хроника... 4) Художественно-историческая хроника... 5) Историческая баллада... 6) Картины. 7) Исторический очерк...»). В конце сент. 1922 текст произведения еще не начат, а во второй половине нояб. он уже почти завершен. Окончание «Чапаева» датировано 4 янв. 1923. Публикация состоялась в февр. того же года в Госиздате.

«Чапаев» так и не получил авторского жанрового определения (не имеет подзаголовка). Как отмечал М. Горький в письме Ф. (авг. 1925), «по форме „Чапаев“ не повесть, не биография, даже не очерк, а нечто нарушающее все и всякие формы». Между тем в жанровом составе книги все эти формы присутствуют. Повествование разветвляется как документально-историческая хроника очеркового типа, в которой, однако, портретно-биографическая характеристика главного персонажа получает значение самостоятельной жанровой доминанты. В то же время «Чапаев» и повесть: во-первых, потому, что ряду персонажей даны вымышленные имена; во-вторых, потому, что в обрисовке характеров героев автор использует приемы худож. типизации (это подтверждается при сравнении текста книги с дневниковыми записями Ф.); в-третьих, потому, что повествование органично включает в себя элементы традиционной беллетристики, такие как пейзажные и портретные зарисовки, описания внутренних состояний героя-повествователя, приемы картинной обрисовки массовых сцен, речевой характеристики персонажей и т. д.

В жанровом составе «Чапаева» не менее отчетливо присутствие примет собственно исторического исследования (с привлечением соответствующих источников, с цитированием документов), напоминающего научно-историческую публикацию.

В структуру повествования включаются также и авторские отступления (сближающие стиль Ф. с гоголевской традицией): отступления исторически-аналитического плана (о причинах разложения колчакской армии, о казаках и их участии в Гражданской войне), худож.-публицистические отступления (о трусости и храбрости), смешанного типа (о грабежах и жестокости Гражданской войны) и др. В повествовании присутствуют и иные фрагменты: рапорты, письма, дневниковые записи, сценки, оперативные материалы и т. д. Все это не отменяет общепринятой характеристики «Чапаева» как романа, если считать достаточным определяющим призна-

ком романа проблемную масштабность и проблемное единство целого. Доминантой книги Ф. является обрисовка Чапаева как типичной фигуры времени. Его индивидуальная судьба, его взлет и слава связаны, по Ф., с теми качествами его личности, которые характерны для «низовой» народной среды и революционной эпохи. Особое внимание автора привлекает «чапаевщина» (слово Ф.) — стихийное начало в психологии человека из народа, который приходит к постижению происходящего интуитивно, ведомый своим социальным чутьем, а не рациональным осознанием общественных процессов. Проблема Чапаева-героя разрабатывается Ф. в разных аспектах: каков Чапаев на самом деле и каким видится со стороны; как преобразуются в восприятии окружающих его реальные достоинства и недостатки; что порождает легенду о нем, о живом человеке, и как он сам относится к ней, как пытается соответствовать своему легендарному образу и как преобразуется под его влиянием.

По завершении «Чапаева», еще до издания произведения, Ф. задумывает развернуть очерк 1922 о верненском мятеже в книгу, для чего запрашивает из архивов и тщательно изучает следственные материалы по делу. Работа над новой книгой заняла около 2 лет, отд. главы и отрывки из нее публиковались в журналах 1924, отд. изд. «Мятеж» выходит в 1925.

Обращает на себя внимание лаконичная композиционная структура произведения, состоящего из трех частей-глав: здесь нет пестрого конгломерата различных повествовательных компонентов, характерных для «Чапаева», нет вставных фрагментов; «Мятеж» — связный рассказ об одном событии, его зарождении, развитии и завершении. В то же время Ф. не отказывается ни от одного элемента жанровой структуры, впервые созданной им в «Чапаеве»: здесь тоже присутствуют и лирика, и пейзаж, и портретная зарисовка, и колоритная сценка, и сжатая выразительная характеристика человека, но вся эта совокупность худож. принципов дается в несколько ином стилевом решении, обусловленном другим поворотом темы и, соответственно, иным проблемным содержанием. «Чапаев» — развернутый портрет одной личности; «Мятеж» — история одного события.

«Чапаев» и «Мятеж» в худож. отношении составляют нетривиальную дилогию. Ф. так формулировал свое авторское кредо: «Книжкам своим я ставил практическую, боевую, революционную цель: показать, как мы боролись во дни гражданской войны, пока-

зать без вычурности, без выдумки <...>. Я писал исторические, научно проработанные вещи, дав их в худож[ественной] форме» (Письмо М. Горькому от 9 сент. 1925).

Дилогия Ф. хронологически предшествует повести А. С. Серафимовича «Железный поток» (1924; перу Ф. принадлежит один из лучших разборов повести) и вместе с ней открывает традицию советской эпической прозы вообще и худож. эпопеи в частности. От Ф. пути развития русской прозы ведут непосредственным образом к А. А. Фадееву, М. А. Шолохову, Н. А. Островскому, А. С. Макаренку. Одновременно по части документально-исторической очерковости, аналитичности, масштабных классово ориентированных оценок книги Ф. соотносимы с совр. ему белогвардейской мемуарной и худож. прозой о Гражданской войне.

Параллельно с «Мятежом» Ф. создает небольшую повесть «**В восемнадцатом году**» (опубл.: Краснодар, 1923). Это произведение примечательно тем, что представляет собой первое в лит-ре обращение к теме молодежи в Гражданской войне и некоторыми своими мотивами предвдвывает незавершенный роман Н. А. Островского «Рожденные бурей».

Только в последний год своей жизни Ф. окончательно решил посвятить себя худож. творчеству. Первой пробой на этом новом пути явилось последнее законченное произведение писателя — очерковый цикл «**Морские берега**» (авг.—окт. 1925), зарисовки различных впечатлений, связанных с летним отдыхом на Кавказском побережье. Ф. работал над очерками тщательно, многократно переписывая каждую фразу, абзац, очерк в целом, добиваясь наибольшей худож. выразительности слова, детали, образа, считая эти очерки проверкой себя перед осуществлением новых крупных замыслов. Среди них — замысел романа «**Писатели**», в котором Ф. предполагал художественно преобразить свой опыт редакторского общения с писателями-современниками, приобретенный им в Госиздате. На это указывают последние дневниковые записи Ф., среди которых — великолепные портретные зарисовки таких фигур, как С. А. Есенин, А. Н. Толстой, Н. Н. Никитин, Б. А. Пильняк, И. Э. Бабель. Неосуществленным остался также планировавшийся на будущее масштабный проект художественно-очерковой истории Гражданской войны.

Ф. принимал заметное участие в лит. жизни Москвы как один из организаторов и руководителей МАППа, а затем РАППа.

Характерно, что в 1925 он подвергся травле со стороны рапповской верхушки: его обвиняли в «правом уклоне», в мягкотелости по отношению к попутчикам и т. п.

Скончался Ф. скоропостижно, от менингита, явившегося осложнением после гриппа. Похоронен в Москве.

Соч.: СС: в 4 т. М., 1960–61; За коммунизм // ЛН. М., 1965. Т. 74.

Лит.: Серебрянский М. Дмитрий Фурманов. Л., 1936; Наумов Е. Д. А. Фурманов: Критико-биографический очерк. М., 1954; Д. А. Фурманов: Летопись жизни

и деятельности. Библиография. Материалы // Ученые записки Ивановского пед. ин-та. Т. 32. Иваново, 1963; Куприяновский П. В. Художник революции: О Дмитрие Фурманове. М., 1967; Чудакова М. О. Архив Д. А. и А. Н. Фурмановых // Записки ОР Гос. б-ки СССР им. Ленина. М., 1967. Вып. 29; Исбах А. А. Фурманов. М., 1968; Фурмановский сб. Иваново, 1973. Вып. 1; Черников В. М. «Чапаев» и советская проза. Саратов, 1975; Дарьялова Л. Н. Худож. документализм Д. Фурманова в литературе 20-х годов и критике. Иваново, 1979; Творчество писателя и лит. процесс (Д. А. Фурманов) // Межвузовский сб. науч. трудов. Иваново, 1985.

Ю. К. Руденко, А. А. Харитонов

ХАЙРЮЗОВ Валерий Николаевич [16.9. 1944, г. Иркутск] — прозаик.

Родился в семье рабочего и крестьянки. После окончания средней школы Х. поступает в Бугурусланское летное училище, которое оканчивает в 1964. Профессия летчика гражданской авиации во многом определила жизненную и творческую биографию Х. Он летал на мн. известных марках самолетов, прошел профессиональный путь от простого летчика до командира корабля, пилота 1-го класса. В небе Восточной Сибири и Якутии налетал 15 тыс. часов. Трудная и в то же время романтическая профессия

летчика позволила Х. лучше узнать жизнь, ее радости и тревоги, открыть для себя замысловатые коллизии и нетривиальные сюжеты, познакомила его с сильными характерами сибиряков, приобщила к огромным пространствам Родины, к познанию природного мира.

Богатый жизненный опыт, накопленный к 30 годам, а также интерес к лит-ре и журналистике, к худож. слову помог Х. поступить в 1975 в Иркутский гос. ун-т на отделение журналистики, которое он успешно окончил в 1981. В стенах ун-та он начал активно писать прозу, которая была вскоре замечена читателями и критикой. В 1979 Х. участвовал в VII Всесоюзном совещании молодых писателей в семинаре Василя Быкова. Слово мастера советской лит-ры о таланте молодого иркутского прозаика прозвучало особенно весомо: «Валерий Хайрюзов нашел себя в литературе не только благодаря недюжинному таланту, но и редкому сердечному вниманию к простым людям, на первый взгляд, заурядным житейским ситуациям. Проза молодого писателя незатейлива по языку и построению, в ней угадывается стремление к ясности изображения, к предельно точному выражению чувств и переживаний героев... Литературная манера прозаика, неторопливая и обстоятельная, вызывает заслуженное уважение» (Быков В.— С. 2).

Совещание молодых писателей дало Х. путевку в лит. жизнь. В 1980 за книги «Опекун» и «Непредвиденная посадка» решением ЦК ВЛКСМ и СП СССР ему была присуждена премия Ленинского комсомола. В 1982 он был принят в члены СП СССР.

В. Н. Хайрюзов